THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF ANDREW HARLAN AS A MEANS OF REVEALING THE ISSUES OF ISAAC ASIMOV'S NOVEL "THE END OF ETERNITY"

Akhmedov Rafael Sharifovich
Senior Lecturer, Gulistan State University
E-mail: raphael.akhmedov.84@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1583-1953

Abstract

The article examines the evolution of Andrew Harlan as one of the principal artistic mechanisms through which the socio-philosophical issues of Isaac Asimov's novel The End of Eternity are explored. It traces the protagonist's development from his initial acceptance of the principles of Eternity to his questioning of the legitimacy of controlling history and his eventual independent moral choice. The study establishes that the transformation of the protagonist's character is revealed through internal conflict, retrospection, a system of contrasts, the romantic plotline, and the narrative situation of choice.

Keywords

character portrayal, character system, thematic issues, social engineering, literary conflict.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЭНДРЮ ХАРЛАНА КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ РОМАНА «КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ» АЙЗЕКА АЗИМОВА

Ахмедов Рафаэль Шарифович
старший преподаватель Гулистанский государственный университет
E-mail: raphael.akhmedov.84@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1583-1953

Аннотация. В статье рассматривается эволюция Эндрю Харлана как один из основных художественных механизмов раскрытия социально-философской проблематики романа Айзека Азимова «Конец Вечности». Прослеживается движение героя от принятия принципов Вечности к сомнению в правомерности управления историей и самостоятельному нравственному выбору. Устанавливается, что трансформация образа раскрывается посредством внутреннего конфликта, ретроспекции, системы контрастов, любовной линии и сюжетной ситуации выбора.

Ключевые слова: образ, система персонажей, проблематика, социальная инженерия, художественный конфликт.

Annotatsiya. Maqolada Endryu Harlan obrazining evolyutsiyasi Ayzek Azimovning «Abadiyatning oxiri» romanidagi ijtimoiy-falsafiy muammolarni oçib beruvçi asosiy badiiy mexanizmlardan biri sifatida tadqiq etiladi. Qahramonning Abadiyat tamoyillarini qabul qilişdan tarixni boşqarişning qonuniyligiga şubha bilan qaraş va mustaqil axloqiy tanlov qilişgaca bölgan rivojlaniş jarayoni kuzatiladi. Obrazning özgarişlari içki konflikt, retrospeksiya, kontrastlar tizimi, muhabbat syujet çiziği va tanlov bilan boğliq syujet vaziyati orqali açib berilişi aniqlanadi.

Kalit sözlar: obraz, personajlar tizimi, muammolar majmui, ijtimoiy muhandislik, badiiy konflikt.

Научная фантастика Айзека Азимова соединяет фантастическое допущение с исследованием его социальных и нравственных последствий. В современной филологии жанр рассматривается с точки зрения его проблемно-тематического содержания, специфики квазиреалий и способов художественной репрезентации научно-технических явлений [1; 2; 4]. В романе «Конец Вечности» возможность целенаправленного изменения Реальности становится основанием для постановки вопроса о допустимых пределах управления историческим развитием. Д. В.

Новохатский рассматривает произведение в контексте художественных моделей сознательного вмешательства в ход истории [3, с. 241–243]. Особое значение в раскрытии данной проблематики приобретает эволюция центрального героя.

Исследование социального содержания романа показывает, что фантастическая модель Азимова ориентирована на осмысление последствий научно-технического развития для общества и не сводится к изображению путешествий во времени [7, p. 272–275; 8]. В этой связи изменение мировоззрения Харлана необходимо рассматривать как один из основных способов перевода общей проблемы социального управления в сферу индивидуального нравственного выбора.

Цель данного исследования состоит в выявлении этапов эволюции образа Эндрю Харлана и художественных средств раскрытия через него проблем социальной инженерии, свободы и ответственности.

В начале романа Харлан представлен как человек, глубоко усвоивший ценности Вечности. Его профессиональная принадлежность имеет принципиальное художественное значение: Техник непосредственно реализует Изменения Реальности, рассчитанные другими подразделениями. Тем самым именно в его деятельности абстрактный социальный расчёт превращается в конкретное вмешательство в человеческие судьбы. Профессиональную установку героя определяет требование бесстрастности: “Above all, a Technician must be dispassionate. The Reality Change he initiates may affect the lives of as many as fifty billion people. A million or so more of these may be so drastically affected as to be considered new individuals. Under these conditions, an emotional make-up is a distinct handicap” [9, p. 8]. Приведённый фрагмент обозначает исходное нравственное противоречие образа Харлана. Чем значительнее последствия Изменения, тем меньше, согласно нормам Вечности, должна проявляться эмоциональная

вовлечённость его исполнителя. Нравственное переживание трактуется как профессиональный недостаток, тогда как судьбы миллиардов людей переводятся в область статистического расчёта. Характеристика Техника становится одновременно характеристикой всей институциональной системы.

Такой принцип поддерживается специальной терминологией: Изменение Реальности, Минимальное необходимое воздействие (МНВ), Максимальная ожидаемая реакция (МОР). Технический язык придаёт вмешательству в историю форму регулируемой процедуры. Судьба общества представляется совокупностью параметров, которые могут быть рассчитаны и скорректированы. Исследование С. А. Панкратовой показывает более общую значимость технической образности для формирования смыслового поля научной фантастики [4, с. 505–509]. У Азимова эта функция непосредственно связана с проблемой управления обществом.

Н. Ю. Филистова и З. Ф. Абдулин, исследуя концепт времени в романе, выделяют его репрезентацию как единицы измерения, события и процесса, обращая внимание на созданную писателем специализированную лексику [5, с. 49–51]. Для характеристики Харлана эта особенность существенна: профессиональное сознание героя сформировано системой понятий Вечности, в которой время воспринимается не как необратимый исторический процесс, а как объект воздействия.

Первоначально Харлан принимает такую модель без принципиальных сомнений. Даже если Изменение связано с гибелью людей или исчезновением научно-технических достижений, основным критерием остаётся достижение рассчитанного социального результата. Однако уже в первых главах возникает противоречие между институциональной функцией Техника и внутренним состоянием человека. Внешняя сдержанность героя противопоставляется страху,

раздражению, ревности, чувству изоляции. Это расхождение подготавливает его дальнейшую трансформацию.

Интерес Харлана к Первобытной истории выявляет скрытую альтернативу его профессиональному мировоззрению, поскольку его привлекает мир необратимых решений и личной ответственности, противопоставленный практике постоянной корректировки истории

Непосредственным катализатором конфликта становится Нойс Ламбент. Любовная линия выполняет не только сюжетную, но и концептуальную функцию. Ранее последствия Изменений существовали для Харлана преимущественно как абстрактные показатели; теперь вмешательство в Реальность затрагивает конкретного человека. Тем самым проблема социального управления приобретает личностное измерение.

Однако на первом этапе протест Харлана ещё не направлен против самого принципа исторического контроля. Он стремится воспользоваться механизмами Вечности ради сохранения Нойс, нарушает профессиональные нормы и скрывает информацию. Следовательно, герой первоначально не отвергает возможность управления Реальностью, а пытается использовать её в собственных целях.

Момент первого существенного перелома непосредственно выражается во внутренней речи: “The thought was simply this: That he would ruin Eternity, if he had to. The worst of it was that he knew he had the power to do it” [9, p. 17]. Вечность впервые перестаёт быть для Харлана безусловной нравственной инстанцией. Вместе с тем его позиция пока определяется преимущественно личным мотивом. Он готов выступить против системы ради Нойс, но ещё не подвергает последовательной критике сам принцип управления историей. Поэтому данный эпизод следует рассматривать как начало мировоззренческой трансформации.

Следующий этап связан с накоплением фактов, противоречащих официальному представлению о Вечности как объективной системе достижения всеобщего блага. Харлан наблюдает профессиональную иерархию, неприязнь к Техникам, соперничество Финга и Твиссела, манипулирование информацией и нарушение собственных правил представителями организации. Возникает принципиальное противоречие: люди, претендующие на выбор оптимального будущего человечества, сами подвержены страхам, амбициям и личным конфликтам. Вследствие этого изменяется сам предмет сомнения героя. Проблема заключается уже не в правильности конкретного Изменения, а в праве ограниченного института устанавливать критерии желательного исторического развития. В связи с этим принципиальное значение приобретает мотив целенаправленного вмешательства в ход истории. Д. В. Новохатский рассматривает «Конец Вечности» среди произведений англо-американской фантастики, в которых изменение прошлого приводит к формированию альтернативных вариантов развития [3, с. 241–243]. У Азимова подобное воздействие приобретает постоянный и институционализированный характер.

В заключительной части существенно меняется функция Нойс. Из объекта личного чувства она превращается в идейного оппонента Харлана. Т. К. Шеряков, сопоставляя роман Азимова с трилогией Ф. Пулмана, отмечает, что Нойс способствует осознанию героем проблемы свободы воли и подталкивает его к разрушению Вечности как системы контроля над развитием человечества [6, с. 177–178]. Такой подход подтверждает, что любовная линия непосредственно связана с основным философским конфликтом произведения.

Центральной становится проблема соотношения безопасности и развития. Вечность устраняет войны, кризисы и опасные технологии, однако вместе с ними исключает ситуации, способные стимулировать развитие цивилизации. Нойс

формулирует это противоречие следующим образом: “In ironing out the disasters of Reality, Eternity rules out the triumphs as well. [...] Eternity prevents men from finding their own bitter and better solutions, the real solutions that come from conquering difficulty, not avoiding it” [9, p. 184]. В данном эпизоде противопоставлены две модели общественного развития: внешнее регулирование, направленное на снижение риска, и самостоятельное преодоление кризисов, предполагающее ответственность за последствия выбора. Критическому осмыслению подвергается не безопасность как таковая, а её абсолютизация, ограничивающая самостоятельность исторического развития человечества.

Социальный аспект данного конфликта соответствует общей концепции произведения как формы критического осмысления технократического управления. Ранее было отмечено, что содержание романа связано прежде всего с последствиями научно-технического прогресса и воздействием создаваемых человеком систем на дальнейшее развитие общества [7, p. 272–275]. В «Конце Вечности» данная проблема доведена до предельной формы: объектом рационального регулирования становится сама история.

С этой проблемой связан мотив технического прогресса. На протяжении романа различные достижения цивилизации исчезают в результате Изменений Реальности, если расчёт определяет их как источник социальной нестабильности. Постепенно Харлан осознаёт, что систематическое устранение риска ограничивает не только отдельные технологии, но и общую перспективу развития человечества. В результате его конфликт с Вечностью перестаёт иметь исключительно личную основу. Если первоначально герой выступает против системы из-за угрозы Нойс, то в финале сомнению подвергается принцип внешнего исторического контроля как таковой. Любовь становится исходным импульсом освобождения от институциональной нормы, но окончательное

решение формируется в результате переоценки собственного опыта. Именно поэтому эволюцию Харлана нельзя свести к традиционному противопоставлению чувства и долга. Азимов выстраивает более сложную последовательность: личное чувство разрушает безусловное доверие героя к системе; последующее наблюдение за деятельностью Вечности расширяет конфликт; аргументы Нойс переводят его в плоскость сознательного нравственного выбора. В результате эмоциональное и рациональное начала не исключают друг друга, а совместно формируют новую позицию Харлана.

Финальный этап трансформации Харлана связан с переходом от институционально распределённой ответственности к самостоятельному нравственному выбору. Если ранее герой лишь реализовывал решения, подготовленные системой, то в финале именно от него зависит её дальнейшее существование. Нойс подчёркивает персональный характер этого решения: “This is Earth. Not the eternal and only home of mankind, but only a starting point of an infinite adventure. All you need do is make the decision. It is yours to make. [...] mankind will remain to reach the stars” [9, p. 189]. Тем самым первоначальная функция Харлана как исполнителя Изменений Реальности сменяется ответственностью субъекта, самостоятельно определяющего своё отношение к самой системе Вечности. Решение Харлана при этом не означает отказа от рационального осмысления действительности. Изменяется критерий рациональности. В начале произведения герой ориентирован на поиск наиболее эффективного способа достижения заранее установленного результата; в финале он ставит под сомнение само право определять этот результат за всё человечество. Таким образом, личная эволюция Харлана переводит проблему социальной инженерии из области технической эффективности в область нравственной ответственности.

Таким образом, образ Эндрю Харлана является одним из основных художественных средств раскрытия социально-философской проблематики «Конца Вечности». Его профессиональная деятельность воплощает принцип рационально организованной социальной инженерии; любовь к Нойс нарушает первоначальную безличность мировосприятия; накопленный опыт приводит к пересмотру идеи управляемой истории. Внутренний конфликт, ретроспекция, специальная терминология, система противопоставлений, философский диалог и сюжетная ситуация выбора формируют последовательный переход Харлана от исполнителя Изменений Реальности к субъекту самостоятельного решения. Тем самым проблема пределов социального управления получает у Азимова конкретное художественное воплощение через эволюцию центрального образа

Список литературы

1. Береснев, Н. П. Перевод квазиреалий в научной фантастике // *Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых*. — 2022. — № 3. — С. 11–21.

2. Глинчук, И. О. Научная фантастика: исследование жанра и основные темы // *Научно-технический прогресс как механизм развития современного общества: сборник статей*. — 2024. — С. 99–101.

3. Новохатский, Д. В. Альтернативная история в русской литературе и англо-американская фантастика: 1950–1970-е гг. // *Codex manuscriptus*. — 2024. — Вып. 4. — С. 234–255. — DOI: 10.22455/CM.2949-0510-2024-4-234-255.

4. Панкратова, С. А. Роль эвристического потенциала в реализации технической образности в зарубежной научной фантастике // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2022. — Т. 15, № 2. — С. 505–509.

5. Филистова, Н. Ю., Абдулин З. Ф. Лингвистические особенности концепта «TIME» (на материале романа А. Азимова «The End of Eternity») // *Нижневартовский филологический вестник*. — 2019. — № 1. — С. 46–51.

6. Шеряков, Т. К. «Темные начала» Ф. Пулмана: на границе фэнтези и рациональной фантастики // *Вестник филологических наук*. — 2024. — Т. 4, № 7. — С. 174–179.

7. Akhmedov, R. Sh. Sociological Content of Isaac Asimov's "The End of Eternity" // *Topical Issues of Teaching Foreign Languages: Conference*. — Bukhara, 2021. — Vol. I. — P. 272–275.

8. Akhmedov R. Sh. "The End of Eternity" as a Novel of Prevention // *European Research*: Conference, Penza, August 20, 2017. — С. 236-238.

9. Asimov, I. *The End of Eternity*. — London: Panther Books, 1959. — 189 p.